

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ЭСТАМИРОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба №. 60272/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

12 октября 2006 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

12 января 2007 года

По делу Эстамиров и другие против России

Европейский Суд по Правам Человека (Первая Секция) на заседании Палаты в следующем составе:

Г-на К.Л. РОЗАКИСА, *Президента,*

Г-жи Н.ВАЙИЧ,

Г-на А. КОВЛЕРА,

Г-жи Е. СТАЙНЕР,

Г-на К. ГАДЖИЕВА,

Г-на Д. ШПИЛЬМАНА,

Г-на С.Е. ЙЕБЕНСА, *судей,*

и Г-на С. НИЕЛЬСЕНА, *Секретаря Секции,*

Проведя обсуждение при закрытых дверях 21 сентября 2006 года,

Выносит следующее постановление, принятое в указанный выше день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело основано на жалобе (№60272/00) против Российской Федерации, поданной в Суд по Статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенции») семью гражданами России («заявителями») 4 августа 2000 года.

2. Заявители, которым была оказана юридическая помощь, были представлены в Суде Гарет Пирс, адвокатом, практикующим в Великобритании. Ей помогали юристы «Правовой Инициативы по России» (SRJI), неправительственной организации, основанной в Нидерландах и имеющей представительство в России. Российское Правительство («Правительство») было представлено г-ном П.Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители утверждают, что пятеро их родственников были убиты военнослужащими в Грозном, Чечня, в начале февраля 2000 года. Они обратились с жалобами на нарушения Статьей 2 и 13 Конвенции.

4. Жалоба была направлена на рассмотрение в Первую Секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В рамках указанной Секции для рассмотрения дела была (Статья 27 § 1 Конвенции) сформирована Палата в соответствии с Правилom 26 § 1.

5. 1 ноября 2004 года Суд изменил состав Секций (Правило 25 § 1), однако данное дело осталось в Палате, сформированной в рамках бывшей Первой Секции.

6. Решением от 19 мая 2005 года Суд объявил жалобу приемлемой.

7. Заявители и Правительство представили письменные комментарии на замечания друг друга (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявители приходятся друг другу родственниками. заявителями являются:

- 1) Руслан Хасмагомедович Эстамиров, 1965 г.р., - первый заявитель;
- 2) Лейла (имя которой также пишется как Лайла) Хасмагомедовна Яндарова (девичья фамилия Эстамирова), 1961 г.р., сестра первого заявителя;
- 3) Совдат Хасмагомедовна Дакаева (девичья фамилия Эстамирова), 1970 г.р., сестра первого заявителя;
- 4) Яха Эстамирова, 1934 г.р., их мать;
- 5) Хусейн Хожакмедович Эстамиров, 1996 г.р., племянник первого заявителя;
- 6) Хабират Хасмагомедовна Заурбекова (девичья фамилия Эстамирова), 1960 г.р., сестра первого заявителя;
- 7) Хабира Хасмагомедовна Таташева (девичья фамилия Эстамирова), 1958 г.р., сестра первого заявителя.

9. Заявители до 1999 года постоянно проживали в городе Грозный, Чечня. Первый, четвертый и пятый заявители в настоящее время проживают в Соединенных Штатах Америки, где они получили политическое убежище. Остальные заявители проживают в Ингушетии и городе Москве.

A. Факты

10. Фактические обстоятельства дела, имеющие отношение к обстоятельствам смерти родственников заявителей и проводимого государством расследования, были частично оспорены сторонами. В связи с этим Европейский Суд потребовал у Государства-Ответчика представления в полном объеме всех материалов уголовного дела, возбужденного для расследования смерти родственников заявителей.

11. Документы, представленные сторонами в Суд, относительно фактических обстоятельств смерти родственников заявителей и проводимого расследования, представлены ниже, в Разделах №1 и №2. Описание материалов, предоставленных сторонами в Суд, находится в Разделе В.

1. Убийство родственников заявителей

12. Семья заявителей проживала в доме номер 1 по улице Подольской Октябрьского района города Грозный. Домовладение семьи заявителей состояло из двух домов, объединенных одним двором. Их строительство производилось семьей на протяжении 15 лет с начала 1980-х годов. Во время боевых столкновений 1994-1996 г.г. один из домов сгорел, а второй дом был поврежден в

результате попадания в него бомбы. После 1996 года семья заявителей восстановила один из домов. Они попытались получить компенсацию за утраченное имущество, но не смогли соблюсти все необходимые для этого процессуальные формальности.

13. В ноябре 1999 года первый заявитель, его мать и четырехлетний племянник (четвертый и пятый заявители) уехали из г. Грозный в Ингушетию из-за возобновившихся боевых столкновений. Часть семьи осталась в Грозном, чтобы присматривать за оставшимся домом и имуществом. Среди оставшихся были отец первого заявителя Хасмагомед Эстамиров (1933 г.р.), брат первого заявителя Хожахмад Эстамиров (1963 г.р.), его беременная жена Тоита Эстамирова (1971 г.р.), их сын Хасан Эстамиров (родившийся в январе 1999 года) и двоюродный брат Хасмагомеда Эстамирова Саид-Ахмед Масаров (1950 г.р.). Первый заявитель утверждает, что они пытались убедить своего отца, который был инвалидом, переехать в Ингушетию, однако тот решил остаться дома. Один из сыновей остался с ним, чтобы помогать ему.

14. В один из дней февраля 2000 года тетя первого заявителя поехала в г. Грозный. Там она встретила одного из своих родственников, дядю первого заявителя, Вахида М., который рассказал ей о том, что оставшиеся в г. Грозном члены семьи были убиты российскими солдатами 5 февраля 2000 года. Вахид М., у которого был нервный срыв, сказал ей о том, что 5 февраля 2000 года он пошел в дом Эстамировых и обнаружил, что члены семьи убиты. Тела отца и брата первого заявителя были во дворе дома, тело дяди, частично сожженное, лежало на пороге дома. Тела невестки первого заявителя, находившейся на 9-ом месяце беременности, и ее сына находились в одном из углов двора. На всех телах были следы огнестрельных ранений. Кольца невестки первого заявителя и ее серьги отсутствовали. Во дворе Вахид М. обнаружил кошелек отца первого заявителя. Кошелек был пуст и валялся на земле. В доме не хватало многих вещей. Машина семьи, находившаяся в гараже, и коровник с двумя телятами были сожжены. В тот же самый день Вахид М. похоронил тела, завернув их в куски материи, на участке земли рядом с домом.

15. Тетя первого заявителя вернулась в Ингушетию и рассказала оставшимся членам семьи о смерти родственников. 22 февраля 2000 года четвертая заявительница направила жалобу в Генеральную Прокуратуру Российской Федерации. Она просила возбудить уголовное дело для расследования убийства пяти членов ее семьи, расхищения и уничтожения принадлежащего им имущества, совершенного 5 февраля 2000 года российскими войсками во время специальной военной операции по «зачистке» г. Грозный.

16. 4 апреля 2000 года первый и второй заявители отправились в г. Грозный. Там они пытались получить разрешение на эксгумацию тел и захоронение их на Пригородном кладбище. При первой попытке обращения, им было отказано комендантом, на основании того, что кладбище могло быть заминировано. Однако после этого глава городской администрации дал свое разрешение и отдал распоряжение следователям и сотрудникам милиции присутствовать при эксгумации.

17. 8 апреля 2000 года заявители обратились во Временный Отдел Внутренних Дел Октябрьского района (ВОВД) г. Грозный и предъявили разрешение на проведение эксгумации. Несколько сотрудников милиции сопроводили их в дом номер 1 по улице Подольской. У одного из сотрудников милиции был с собой фотоаппарат.

18. Когда тела были извлечены из земли, для того чтобы сделать фотографии, материя была убрана только с лиц. При эксгумации не присутствовал патологоанатом, судебно-медицинская экспертиза не производилась. После этого

тела были перемещены на Пригородное кладбище и похоронены. Первый заявитель получил справку от следователя Октябрьского ВОВД майора С. , которая подтверждала то, что 8 апреля 2000 года эксгумированные тела Эстамирова Х, 1933 г.р., Эстамирова Х.Х., 1963 г.р., Эстамирова Х.Х. 1999 г.р. и Эстамировой Т., 1971 г.р., были переданы первому заявителю для проведения захоронения. Кроме того, в справке указывалось, что «тела были осмотрены следователем Октябрьского ВОВД. Доказательства насильственного причинения смерти установлены, материалы переданы для рассмотрения в прокуратуру г. Грозный».

19. После проведения осмотра сотрудники милиции хотели уйти, но первый заявитель вмешался и попросил их провести осмотр двора для обнаружения возможных вещественных доказательств, включая следы танка или бронетранспортера (БТР) у дома, пустые бутылки из-под алкогольных напитков, а также пару кроссовок, валявшихся во дворе. Сотрудники милиции составили на месте протокол и собрали некоторые из вещественных доказательств, такие как гильзы и патроны.

2 Последующие события и расследование

20. 4 июля 2000 года Малгобекский городской суд Республики Ингушетии засвидетельствовал факт смерти Хасмагомеда Эстамирова, 1933 г.р., Хожакмеда Хасмагомедовича Эстамирова, 12 февраля 1963 г.р., Тоиты Хаваж-Багаудиновны Эстамировой, 1971 г.р., Хасана Хасмагомедовича Эстамирова, 20 января 1999 г.р., которая произошла 5 февраля 2000 года в Октябрьском районе г. Грозный, Чечня. Решение суда было основано на показаниях заявителя и двух свидетелей. В соответствии с показаниями, отец, брат, невестка и племянник первого заявителя оставались в г. Грозный зимой 1999-2000 г.г. В марте 2000 года первый заявитель узнал от своего дяди М. о том, что его семья была убита сотрудниками российского ОМОНа (Отряда Милиции Особого Назначения). Суд также принял во внимание данные паспорта заявителя, в соответствии с которыми он был прописан в г. Грозный, в доме номер 1 по улице Подольской, свидетельство об эксгумации, выданное Октябрьским ВОВД 8 апреля 2000 года, свидетельство Малгобекской городской администрации, в соответствии с которым первый, четвертая и пятый заявители были зарегистрированы с 26 сентября 1999 года в качестве вынужденных переселенцев из Чечни. В решении было отмечено то, что свидетельство о смерти необходимо для получения компенсации по потере кормильца.

21. В августе 2000 года ЗАГС Октябрьского района г. Грозный выдал четыре сертификата о смерти родственников заявителей. Датой смерти также было указано 5 февраля 2000 года.

22. Заявители утверждают, что в тот же самый день другие гражданские лица были убиты в пригороде г. Грозный - селении Новые Алды, расположенном в 10-15 минутах ходьбы (1,5 км.) от улицы Подольской. При этом они ссылаются на доклад организации Хьюман Райтс Вотч, опубликованный в июне 2000 года, под названием «[Новые Алды: резня 5 февраля](#)». В соответствии с данным докладом, ответственность за внесудебные казни около 60 мирных жителей в пригородах г. Грозный, селениях Новые Алды и Черноречье, лежит на российском ОМОНе и вооруженных силах. Данный документ содержит сведения о смерти пяти членов семьи Эстамировых. Информация основана на интервью с членами семьи в Ингушетии. Кроме того, в докладе приводятся копии фотографий, сделанных во время перезахоронения.

23. Заявители также ссылаются на доклад ПЦ «Мемориал» под названием «[Зачистка». Поселок Новые Алды, 5 февраля 2000 г.,- преднамеренные](#)

преступления против мирного населения», в котором указываются имена пяти членов их семьи наряду с именами еще 56 мирных жителей, убитых в тот день в Новых Алдах.

24. 21 апреля 2000 года военная прокуратура Северокавказского военного округа (СКВО) направила письмо в ПЦ «Мемориал». В данном письме указывалось, что военный прокурор войсковой части №20102 ознакомился с информацией относительно преступлений против мирного населения, совершенных в Алдах 5 и 10 февраля 2000 года. Воинские подразделения Министерства обороны и Министерства внутренних дел, находящиеся в пределах юрисдикции военной прокуратуры, не производили военных операций или проверки паспортного режима в указанной местности в предполагаемые даты. В свете сказанного 3 марта 2000 года уголовное дело, возбужденное военной прокуратурой, было прекращено за отсутствием состава преступления. В письме также указывалось, что «зачистка», имевшая место в селении Алды 5 и 10 февраля 2000 года, проводилась сотрудниками ОМОНа Министерства внутренних дел из Санкт-Петербурга и Рязани, которые не попадали под юрисдикцию военной прокуратуры. Материалы уголовного дела были переданы в прокуратуру города Грозный для принятия необходимых мер. Все дальнейшие запросы должны быть адресованы прокурору Грозного или прокурору Чеченской Республики.

25. 8 августа 2000 года первый и четвертый заявители обратились с гражданским иском против Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Министерства финансов РФ в Верховный Суд Российской Федерации. В своем заявлении они указали на то, что пять членов их семьи были убиты 5 февраля 2000 года в своем доме в г. Грозный во время так называемой операции по «зачистке» местности. Их дом и машина были подожжены, а имущество разворовано. Заявители ссылались на решение Малгобекского городского суда от 4 июля 2000 года, а также на свидетельство об эксгумации, выданное Октябрьским ВОВД. По утверждению заявителей, указанные действия были, по всей видимости, совершены сотрудниками федеральных сил, так как в указанные дни г. Грозный уже находился под контролем федеральных сил. В тот же самый день в селении Алды, расположенном в 15 минутах ходьбы от дома заявителей, также были проведены казни мирного населения. Заявители указали, что 22 февраля 2000 года они обратились к Генеральному Прокурору России с просьбой о проведении уголовного расследования. Однако надлежащее расследование не было проведено. Кроме того, заявители указали, что в Чечне не действуют суды, а также, что многие из относящихся к делу документов сгорели в доме. Они требовали компенсации нанесенного им материального и морального ущерба. Как следует из материалов дела, 31 августа 2000 года Верховный Суд отказал заявителям в рассмотрении иска на основании отсутствия юрисдикции. Заявителям было рекомендовано обратиться в соответствующий районный суд.

26. 16 октября 2000 года неправительственная организация Хьюман Райтс Вотч обратилась с письмом к Генеральному прокурору Российской Федерации. В письме содержалась просьба предоставить информацию о расследовании убийств в Новых Алдах. В своем ответе от 31 октября 2000 года Генеральный прокурор указал, что полученный им запрос был направлен к прокурору Чеченской Республики для подготовки ответа по существу.

27. 4 декабря 2000 года прокурор Чеченской Республики направил ответ организации Хьюман Райтс Вотч. В ответе указывалось, что 14 апреля 2000 года прокуратура города Грозный возбудила уголовное дело №12023 по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 2 Уголовного Кодекса РФ

(убийство одного и более лиц), а также то, что расследование проводится под контролем прокуратуры Республики.

28. 8 августа 2001 года вторая заявительница обратилась к прокурору Чеченской Республики с просьбой предоставить информацию о расследовании уголовного дела. В своем письме она просила предоставить ей информацию о том, какие меры были предприняты для установления и привлечения к ответственности виновных в совершении преступления. В случае приостановления предварительного следствия, она просила прокурора республики направить ей копию соответствующего постановления. Она не получила ответа на данный запрос.

29. 14 августа 2001 года юристы организации «Правовая инициатива по России» обратились в прокуратуру Чеченской Республики с запросом о предоставлении информации по уголовному делу №12023, возбужденному по факту убийства пяти членов семьи Эстамировых. «Правовая Инициатива по России» не получила ответа на данный запрос.

30. 11 октября 2001 года вторая заявительница обратилась к Генеральному прокурору Российской Федерации. В своем письме она указала, что ею не было получено ответа на письмо, направленное прокурору Чеченской Республики от 8 августа 2001 года. В своем ответе от 16 ноября 2001 года Генеральная прокуратура России проинформировала вторую заявительницу о том, что ее запрос был направлен для рассмотрения в прокуратуру Чеченской Республики.

31. В письме, направленном в ноябре 2001 года, прокуратура Чеченской Республики проинформировала вторую заявительницу о том, что расследование уголовного дела проводилось прокуратурой города Грозный, что прокуратура Чеченской Республики отслеживала его прогресс, а также то, что «следственные действия, направленные на установление виновных в совершении преступления, проводятся». В письме также ошибочно указывалось, что родственники заявителей были убиты в апреле 2000 года.

32. Расследование смерти родственников заявителей приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. Расследование, проведенное прокуратурой города Грозный, не привело к каким-либо имеющим значение результатам. Как следует из материалов дела, следствие сосредоточилось на версии, выдвинутой с самого начала заявителями, в соответствии с которой, убийства были совершены сотрудниками российского воинского подразделения. Однако оно также рассматривало другие возможные версии. Органы следствия не установили, какое именно подразделение должно нести ответственность за совершенное преступление, обвинение в совершении указанных преступлений никому не предъявлялось (см. ниже часть В, содержащую описание материалов уголовного дела). Как следует из материалов, расследование не связывало убийство членов семьи заявителей с расследованием убийств, совершенных в селении Новые Алды 5 февраля 2000 года.

33. В марте 2003 года седьмая заявительница обратилась в Ленинский районный суд г. Грозный с жалобой о пересмотре постановления прокуратуры о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу, возбужденному по факту убийства ее родственников.

34. В июне 2003 года жалоба заявителей была коммуницирована Правительству Российской Федерации, от которого потребовали предоставить копию материалов уголовного дела №12023. В сентябре 2003 года Правительство предоставило копию материалов дела, которые кратко изложены ниже. В мае 2005 года Суд объявил жалобу приемлемой и потребовал от Правительства предоставить последние данные о ходе расследования уголовного дела.

35. В августе 2005 года Правительство ответило, что расследование все еще продолжается, однако окончательного вывода о личности виновных не сделано. Оно также указало на то, что расследование провело проверку материалов уголовного дела №12011, возбужденного в связи с массовым убийством мирного населения в Новых Алдах 5 февраля 2000 года. Правительством не было получено доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что убийства были совершены одними и теми же лицами, и поэтому оснований для объединений данных уголовных дел в одно производство не было. Далее Правительство указало на то, что представление в Суд полученных за последний период расследования документов из материалов уголовного дела №12023, нарушит ст. 161 УПК РФ. Оно утверждало, что в материалах дела содержится конфиденциальная информация относительно военных действий и мер безопасности, а также об именах и адресах свидетелей, принимавших участие в проведении контртеррористической операции в Чечне и о других участниках процедуры следствия.

В. Документы, предоставленные сторонами

36. Стороны представили ряд документов о расследовании убийств. Основными документами являются следующие.

1. Документы из материалов уголовного дела

37. Правительство представило копию одного тома материалов уголовного дела №12023, а также список из 97 документов, находящихся в нем, из которых 50 документов датированы 20-24 июля 2003 года. Наиболее важными документами, содержащимися в материалах уголовного дела, являются следующие.

а) Постановление о возбуждении уголовного дела

38. 14 апреля 2000 года следователь управления Генеральной Прокуратуры Российской Федерации на Северном Кавказе возбудил уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п.2 (а), (е) ст. 105 УК РФ по факту убийства пяти членов семьи Эстамировых,, трупы которых были обнаружены 8 апреля 2000 года в доме №1 по улице Подольской с признаками насильственной смерти.

39. В мае 2000 года расследование уголовного дела было передано в прокуратуру города Грозный.

(b) Протоколы осмотра места происшествия

40. 8 апреля 2000 года два документа были составлены следователями Октябрьского ВОВД г. Грозный при осмотре места происшествия в доме №1 по улице Подольской.

41. Первый протокол составлен следователем в присутствии двух понятых и эксперта. В документе содержится следующий текст:

«Осмотр места происшествия размером 6 на 4 метра, расположенном во дворе дома №1 по улице Подольская г. Грозный. Произведена раскопка ямы размером 1,5 на 2 метра, глубиной 50-60 см. Яма покрыта деревянными дощечками и железными обломками. В яме находятся четыре тела разного размера, обернутые в целлофан. Г-н Вахид М., принимающий участие в раскопке, пояснил, что 9 февраля 2000 года он похоронил эти тела в указанной яме. Слева направо расположены Эстамиров Х.Х., 1931 г.р., Масаров С.А., 1951 г.р., Эстамиров Х.Х. 1963 г.р., Эстамиров Х.Х., 1999 г.р.. Тела обернуты в полиэтиленовую пленку и завязаны лентой из белой ткани. Вторая яма размером 50 см. на 1,5 м. Расположена приблизительно на 2 метрах от первой ямы, глубиной около 40-50 см. В яме находится целлофановый сверток,

завернутый в белый кусок ткани, приблизительно 160-165 см. в длину. Г-н М. Пояснил, что здесь 9 февраля 2000 года он похоронил Эстамирову Х.-Б., 1971 г.р. Тела были извлечены из ям, для того чтобы родственники могли организовать захоронение в селе Пригородное. Были сделаны фотоснимки. Без добавлений или изменений».

42. Второй документ составлен в том же самом месте и содержит описание дома, следов огня и пуль, описание сожженного автомобиля Жигули ВАЗ-2106. В документе также содержится описание 18 гильз и одной пули обнаруженных на месте происшествия и приобщенных к материалам уголовного дела для производства дальнейшей экспертизы. Несколько фотографий места происшествия, тел и следов попадания пуль были приложены к документам вместе со схемой подворья.

43. В тот же самый день следователь Октябрьского ВОВД, руководивший процедурой эксгумации, направил отчет начальнику ВОВД, в котором он указал, что была произведена эксгумация тел пяти членов семьи Эстамировых, которые были переданы родственникам для дальнейшего погребения. На телах имелись следы насильственной смерти, и смерть произошла, скорее всего, между 4 и 9 февраля 2000 года.

44. 24 июля 2003 года следователь прокуратуры города Грозный вновь провел осмотр места происшествия в доме №1 по улице Подольской, по результатам которого он составил протокол. В протоколе указывалось, что дом семьи сожжен и брошен, были отмечены многочисленные следы пулевых отверстий на стенах и мебели, сожженная машина во дворе. Четыре пули от автомата АК калибра 7,62 были найдены при осмотре места происшествия. Протокол осмотра содержал фотографии места происшествия и схему дома.

(с) Показания заявителя №4 и других свидетелей

45. 8 апреля 2000 года следователи Октябрьского ВОВД допросили четвертую заявительницу об известных ей обстоятельствах убийства ее мужа и других членов ее семьи. В своих показаниях заявительница пояснила, что она сама осталась в Малгобеке, Республика Ингушетия, ее сын Хасмагомед Эстамиров, ее сын Хожакмед Эстамиров со своей женой Тоитой Эстамировой и сыном Хасаном, двоюродным братом ее мужа Саид-Ахмед Масаровым остались в принадлежащем семье доме, расположенном по адресу: дом 1, улица Подольская, г. Грозный. Таким образом, она не была очевидцем убийства членов ее семьи, но ей рассказали об этом родственники из Грозного. 4 апреля 2000 года она приехала в г. Грозный и увидела место, где были похоронены ее родственники. Ее родственник Вахид М. попросил сотрудников ВОВД присутствовать при эксгумации тел 8 апреля 2000 года. Заявительница также пояснила, что ей сказали о том, что 4 февраля 2000 года в указанном районе города проводилась операция по «зачистке» местности, во время которой военнослужащие-призывники провели проверку документов и ушли. После этого пришли солдаты - «контрактники» и убили всех, кто находился на данной территории. К указанному период времени, данный район находился под твердым контролем федеральных сил, боев больше не было.

46. 8 апреля 2000 года Вахид М. пояснил, что он проживал в Октябрьском районе г. Грозный. 9 февраля 2000 года он пришел навестить своего родственника Саид-Ахмеда Масарова, который отправил свою семью в Ингушетию, а сам остался со своим двоюродным братом Хасмагомедом Эстамировым в доме последнего. Ворота двора были открыты, и на них был знак «Здесь живут люди». Во дворе дома он увидел сожженную машину, позади которой находилось два тела - тело Хасмагомеда Эстамирова и его сына Хожакмеда Эстамирова. Тело Хасмагомеда Эстамирова было частично сожжено,

на теле отсутствовали левая рука и левая ступня, на туловище имелись следы огнестрельных ранений. Тело Хожакмеда Эстамирова подверглось сильному воздействию огня. Далее, приблизительно в шести метрах, находилось тело Тоиты Эстамировой, которая была на 8 месяце беременности. Она лежала лицом вниз в луже крови, и когда М. приподнял ее тело, он увидел на ее груди многочисленные огнестрельные ранения. Рядом с ней лежало тело ее годовалого сына, Хасана, с огнестрельными ранениями в голову и ногу. После этого М. прошел в дом и при входе в туалет обнаружил тело своего родственника Саид-Ахмеда Масарова, которое сильно пострадало от огня. М. похоронил тела во дворе дома. Он не видел тех, кто совершил эти убийства и не знал, кем они могли быть совершены.

47. Кроме того, 8 апреля 2000 года следователи также провели допрос матери Тоиты Эстамировой, которая проживает возле Заводского района г. Грозный в селении Алды. В феврале 2000 года свидетельница находилась в Тверской области. 25 февраля 2000 года она была извещена родственниками о том, что ее дочь, которая была на 9-том месяце беременности, была убита вместе со своим мужем, сыном и другими родственниками. Свидетельница не знала, кто убил их, но она слышала от других людей, проживающих в указанном районе, что это были солдаты федеральных сил.

48. 22 июля 2003 года, в связи с тем, что он приходился близким родственником Саид-Ахмеду Масарову, Вахид М. был признан потерпевшим по уголовному делу. В тот же самый день он был допрошен во второй раз об обстоятельствах убийства. Он подтвердил ранее данные им показания относительно обнаружения тел 9 февраля 2000 года. Кроме того, он рассказал об эксгумации тел, проведенной 8 апреля 2000 года в присутствии сотрудников правоохранительных органов, и добавил, что тела были погребены в тот же самый день на Пригородом кладбище. Он не давал разрешения на эксгумацию тела своего родственника.

49. 23 июля 2003 года следователи допросили Рашида М., еще одного родственника Саид-Ахмеда Масарова. В своих показаниях свидетель пояснил, что зимой 1999-2000 г.г. он, житель г. Грозный, находился в Ингушетии вместе со своей семьей. В апреле 2000 года он узнал о том, что его родственник и семья Эстамировых были убиты в Грозном. Свидетель наряду с другими приехал туда и 8 апреля 2000 года, в присутствии сотрудников ВОВД, была проведена раскопка ям, в которых находились тела. Он детально описал раны на телах своих родственников. В соответствии с его показаниями, тела Хасмагомеда Эстамирова, Хожакмеда Эстамирова и Саид-Ахмеда Масарова были сожжены. Однако, несмотря на это, свидетель смог опознать их и идентифицировать. Тела Тоиты и Хасана Эстамировых не были сожжены. После этого свидетель пояснил в деталях, о том, какие огнестрельные ранения были на головах и телах его родственников. Он также пояснил, что тела были найдены в двух ямах. Тело Тоиты Эстамировой было похоронено отдельно, приблизительно в метре от остальных. Он подтвердил, что дом и автомобиль, находившийся во дворе дома, были сожжены. Он также показал, что на земле, во дворе, было много гильз от автомата Калашникова. Он также заметил пустые бутылки из-под водки, а также четкие следы БТР или танка на земле. Он также вспомнил, что на воротах дома №1 по улице Подольской был нарисован мелом знак «4.П.2000». Далее свидетель показал, что, что ему было известно от других жителей района, чьи имена он не смог вспомнить, о том, что 4 февраля 2000 года в районе проводилась операция по «зачистке» местности, что солдаты шли по Октябрьскому району по направлению от улицы Подольской к улице Кирова. Рашид М. был против

эксгумации останков своего родственника. В тот же самый день он был признан потерпевшим по уголовному делу.

50. 24 июля 2003 года следователи провели допрос еще одного местного жителя, который показал, что 8 апреля 2000 года он присутствовал при раскопке ям, находившихся во дворе дома №1 по улице Подольской. Он подтвердил показания других свидетелей об обстоятельствах обнаружения пяти тел.

(d) Судебно-медицинская и баллистическая экспертизы

51. 4 и 5 мая 2000 года следователь городской прокуратуры г. Грозный вынес постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы тел, а также баллистической экспертизы гильз и пуль, обнаруженных на месте происшествия.

52. В июне 2000 года баллистическая экспертиза пришла к выводу о том, что 18 гильз и одна пуля были выпущены, по крайней мере, из четырех автоматов Калашникова, калибра 7,62 мм и 5,45 мм.

53. 24 июля 2003 года еще четыре пули обнаруженные во дворе дома №1 по улице Подольской были направлены для проведения баллистической экспертизы.

54. Что касается заключения судебно-медицинской экспертизы, то, как следует из материалов, его не было. 21 июля 2003 года проведение экспертизы было вновь назначено следователем, ответственным за расследование данного уголовного дела. При назначении экспертизы экспертам были заданы вопросы, относящиеся к причине и дате смерти убитых на основании протоколов осмотра места происшествия, составленных 8 апреля 2000 года сотрудниками Октябрьского ВОВД. 21 июля 2003 года в Грозном следователи допросили судебно-медицинского эксперта, который пояснил, что документы, которые были переданы ему для производства экспертизы, не содержали описания тел, и поэтому не могли служить основанием для производства экспертизы. Он также пояснил, что эксгумация тел будет бесполезной, так как в Грозном нет ни одной функционирующей судебно-медицинской лаборатории. 22 июля 2003 года эксперт составил пять идентичных заключений, в которых говорилось о том, что на основании предоставленных ему документов, в связи с тем, что в них не содержалось описание тел, на поставленные перед ним вопросы не представляется возможным дать ответ.

55. 22 июля 2003 года следователь городской прокуратуры г. Грозный обратился в Октябрьский районный суд г. Грозный с заявлением с просьбой предоставить ему разрешение на эксгумацию пяти тел членов семьи Эстамировых, похороненных 8 апреля 2000 года на Пригородном кладбище.

(e) Другие свидетели и потерпевшие

56. 20-24 июля 2003 года городская прокуратура Грозного направила ряд запросов в различные органы государственной власти. Запросы были направлены для того, чтобы попытаться установить и допросить заявителей, других потерпевших и свидетелей преступления. Среди прочих, запросы были направлены в Октябрьский ВОВД, для того чтобы найти сотрудников Отдела из Ханты-Мансийского округа, которые в указанный период времени были дислоцированы в Чечне. Следователи также запросили Департамент Федеральной Службы Безопасности (ФСБ) России по Чечне, о том, имеется ли в их распоряжении какая-либо информация в отношении участия Хожакмеда Эстамирова и Саид-Ахмеда Масарова в деятельности незаконных боевых формирований.

57. 22-24 июля 2003 года следователи допросили ряд местных жителей, которые показали, что семья Эстамировых была убита в начале февраля 2000 года, по всей видимости, солдатами - «контрактниками» федеральных сил. Все

свидетели провели зиму 1999-2000 г.г. за пределами г. Грозный и не смогли дать другие показания относительно событий февраля 2000 года. Свидетели отрицали, что кто-либо из членов семьи Эстамировых принимал участие в деятельности незаконных боевых формирований или какой-либо другой незаконной деятельности. Свидетели полагали, что у семьи Эстамировых не было каких-либо неприязненных или враждебных отношений с кем-либо.

(f) Попытки установить воинские подразделения

58. Несколько раз следователи, ответственные за проведение расследования, поднимали вопрос об установлении тех воинских формирований (Министерства обороны РФ) или Министерства внутренних дел, которые, возможно, принимали участие в убийстве Эстамировых.

59. 14 февраля 2001 года прокуратура г. Грозный поставила данный вопрос перед Октябрьским ВОВД Грозного. В ответ на запрос начальник ВОВД, 16 марта 2001 года указал, что «4-9 февраля 2000 года операции по «зачистке» местности, а также какие-либо акции подобного характера, не проводились сотрудниками Октябрьского ВОВД, который начал свое функционирование 17 февраля 2000 года».

60. 21-22 июля 2003 года следователь, ответственный за ведение по делу предварительного следствия, направил запросы в Министерство внутренних дел, в военную прокуратуру СКВО, командующему ОГВ(с) и главе отдела кадров СКВО. В своих запросах следователь просил установить, какие военные формирования были привлечены для участия в боевых действиях в Грозном «в конце февраля 2000 года, во время освобождения Грозного от незаконных вооруженных формирований», а также выяснить, проводились ли какие-либо специальные операции с их участием в районе улицы Подольская Октябрьского района. В запросах имелись ссылки на результаты баллистической экспертизы, а также содержалась просьба установить военные формирования, которые могли использовать гильзы с указанными номерами.

(g) Указания прокуроров

61. На разных стадиях расследования уголовного дела ряд указаний были подготовлены сотрудниками прокуратуры Чеченской Республики. В указаниях излагались меры, которые органам следствия было необходимо предпринять в ходе расследования уголовного дела. Указания прокуратуры от 30 ноября 2000 года предусматривали допрос и признание в качестве потерпевшего родственников убитых. В соответствии с данными указаниями, органам следствия было необходимо установить, проводилась ли операция по «зачистке» в указанном районе города в указанные дни, установить местонахождение тел, получить от родственников разрешение на эксгумацию трупов, установить возможных свидетелей преступления. Аналогичные указания были даны следствию 20 августа 2002 года и 20 июля 2003 года.

62. Расследование данного уголовного дела приостанавливалось три раза и возобновлялось четыре раза. По крайней мере, семь раз производство предварительного следствия передавалось от одного следователя к другому. 23 июля 2003 года следственная группа, состоящая из восьми следователей, была назначена для проведения расследования по делу. Более половины документов из материалов уголовного дела, представленных в Суд Правительством, были составлены 20-24 июля 2003 года. В материалах уголовного дела не содержится документов, датированных после 24 июля 2003 года, несмотря на то, что, по всей видимости, предварительное следствие по делу продолжалось и после указанной даты.

2. Дополнительные документы, предоставленные заявителями

63. Заявители подали ряд дополнительных документов, имеющих отношение к обстоятельствам убийства их родственников и обнаружения их тел. В частности, они, предоставили ряд сообщений средств массовой информации, отражающих прогресс российских федеральных подразделений при боевых столкновениях за г. Грозный. В соответствии с данными сообщениями, различные части города находились под контролем российских войск в конце января - начале февраля 2000 года. 1-3 февраля 2000 года несколько сообщений указало на то, что большая группа чеченских боевиков отступила из Грозного, после чего контроль практически над всем городом находился в руках российских войск.

64. Заявители также предоставили ряд докладов о событиях 5 февраля 2000 года имевших место в южных пригородах Грозного, в частности, в селении Новые Алды. Данные доклады, подготовленные [Хьюман Райтс Вотч](#), «Мемориалом» и другими организациями, указывают на «характерность групповых внесудебных казней» совершенных солдатами российских войск в пригородах Грозного, и связывают убийство членов семьи Эстамировых и убийствами в селении Алды, совершенными 5 февраля 2000 года.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Уголовно-Процессуальный Кодекс

65. До 1 июля 2002 года уголовно-процессуальные отношения регулировались Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР 1960 года. С 1 июля 2002 года старый Кодекс был заменен Уголовно-Процессуальным Кодексом РФ (УПК).

66. УПК 1960 года предусматривал возбуждение компетентными властями уголовного дела при наличии подозрения в совершении преступления. Такие органы власти были обязаны предпринять все меры, предусмотренные законом, для установления фактов происшедшего, личности ответственных за преступление и обеспечить привлечение их к уголовной ответственности. Решение о возбуждении уголовного дела должно было приниматься в течение трех дней с момента получения первого сообщения о соответствующих факта (ст. т. 3, 108-109). При отказе органов следствия возбудить или прекратить уголовное дело, им следовало вынести мотивированное постановление. Такое постановление могло быть обжаловано вышестоящему прокурору или в суд (ст. 113 и 209).

67. В ходе расследования уголовного дела, признанные потерпевшими по делу лица могли представлять доказательства и подавать жалобы, имели полный доступ к материалам дела по завершении расследования и могли обжаловать назначения, решения органов следствия и суда по делу. Близкие родственники погибших признавались потерпевшими после подачи соответствующего заявления (ст. 53 УПК 1960 года). Аналогичные нормы содержатся в новом УПК.

68. Статья 161 нового УПК устанавливает правило недопустимости разглашения данных предварительного расследования. В соответствии с частью 3 данной статьи, данные предварительного расследования могут быть переданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

2. Гражданский Процессуальный Кодекс

69. Статья 214 ч. 4 Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР, действовавшая до 1 февраля 2003 года, предусматривала, что суд должен приостановить рассмотрение гражданского дела, если таковое не могло быть рассмотрено до завершения другой гражданской, уголовной или административной процедуры.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

70. Правительство потребовало у Европейского Суда признать данную жалобу неприемлемой в связи с тем, что заявители не исчерпали имеющихся в их распоряжении внутригосударственных средств правовой защиты. Правительство заявляет о том, что соответствующие органы государственной власти в настоящее время, в соответствии с национальным законодательством, проводят расследование по факту смерти и ранений гражданского населения, а также разрушения имущества в Чечне. Кроме того Правительство указывает на возможность, имеющуюся у заявителей, для обращения в районный суд для получения компенсации в порядке гражданского судопроизводства.

71. Заявители оспаривают данную позицию. Они утверждают, что они пытались добиться проведения расследования уголовного дела путем обращения в органы прокуратуры. Их обращения не повлияли на расследование, которое, по их мнению, было неэффективным. В частности, они отмечают то, что следствием не были предприняты своевременные меры для сбора необходимых доказательств, они не были проинформированы о ходе следствия, следствием не была проверена версия участия представителей федеральных сил в убийстве их родственников. Что касается гражданского судопроизводства, Заявители обращались в Верховный Суд РФ для получения компенсации за понесенный ими ущерб, однако их иск был оставлен без рассмотрения. Заявители утверждают, что обращение в районный суд с иском не будет успешным из-за отсутствия выводов уголовного расследования. Они ссылаются на ст. 214 (4) Гражданско-Процессуального Кодекса РФ, в соответствии с которой суд должен приостановить рассмотрение гражданского иска до завершения расследования уголовного дела. Они также утверждают, что при отсутствии эффективного расследования, гражданский иск не может являться эффективным средством в отношении смерти пяти членов их семьи, так как рассмотрение иска не может привести к установлению виновных в совершении преступления и привлечению их к ответственности.

B. Оценка Суда

72. По данному делу на стадии приемлемости Суд не принял решения относительно исчерпания средств правовой защиты, так как установил, что данный вопрос был слишком тесно связан с существом дела. Теперь Суду следует рассмотреть доводы сторон в полном объеме, учитывая положения Конвенции и соответствующую практику.

73. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты, на которое имеется ссылка в Статье 35 § 1 Конвенции налагает на заявителей обязанность вначале использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы, для того, чтобы позволить им получить восстановление нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной мере определенным, как в теории, так и на практике, при отсутствии чего данные средства не являются доступными и эффективными. Статья 35 § 1 также требует того, чтобы жалобы, которые впоследствии подаются в Суд, первоначально подавались в надлежащие национальные органы, по крайней мере, по существу вопроса и в соответствии с официальными требованиями национального законодательства. Однако, при этом не следует прибегать к средству правовой защиты, которое неэффективно или неадекватно (см. *Aksoy v. Turkey* judgment of 18 December 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, pp. 2275-76, §§ 51-52, и *Akdivar and Others v. Turkey*, judgment of 16 September 1996, *Reports* 1996-IV, p. 1210, §§ 65-67).

74. Суд подчеркивает то, что применение правила об исчерпании внутренних средств правовой защиты должно применяться с некоторой степенью гибкости и без излишнего формализма. Суд далее признает то, что данное правило не является ни абсолютным, ни способным к автоматическому применению. Для того чтобы проверить его выполнение, важно принять во внимание обстоятельства конкретного дела. Это означает, в частности, что Суд должен принять во внимание не только наличие официальных средств правовой защиты в правовой системе Высокой Договаривающейся Стороны, но и общий контекст, при котором они действуют, наряду с рассмотрением личных обстоятельства заявителя. После этого Суд должен оценить, предпринял ли заявитель при всех обстоятельствах данного дела, все меры, которые могут от него/нее разумно ожидать для исчерпания внутренних средств правовой защиты (см. *the Akdivar and Others*, указанное выше, p. 1211, § 69, и *the Aksoy*, указанное выше, p. 2276, §§ 53 и 54).

75. Суд учитывает то, что для жертв незаконных и преступных действий, приписываемых государству или его агентам, российская правовая система предусматривает, в принципе, два способа защиты прав, а именно, гражданскую процедуру и средства правовой защиты уголовно-правового характера.

76. Что касается гражданско-правовой процедуры по получению сатисфакции за понесенный в результате незаконных действий или незаконного поведения со стороны агентов государства ущерб, Суд напоминает о том, что Правительство предположило, что заявителям следовало обратиться с иском в районный суд. Правительство не привело никаких примеров, демонстрирующих, что такие суды могут, при отсутствии таких результатов уголовного расследования, как установление личности потенциальных подсудимых, рассмотреть иск, связанный с серьезными преступными действиями, по существу.

77. Суд далее напоминает о том, что, даже предположив, что заявители подали такой иск, который был бы успешен в компенсации нанесенного ими в рамках гражданско-правовых отношений ущерба, он по-прежнему не был бы способен разрешить вопрос наличия эффективных средств правовой защиты в контексте утверждений о нарушении Статьи 2 Конвенции. Суд, рассматривающий гражданский иск, не может проводить какое-либо независимое расследование и неспособен, без результатов уголовного расследования, прийти к имеющим значение выводам о виновных в причинении смерти, и тем более, привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 and 57945/00, § 119-121, 24 February 2005). Более того, обязательство Высокой

Договаривающейся Стороны по Статьям 2 и 13 Конвенции о проведении расследования, способного привести к установлению и наказанию виновных по делам о причинении смерти, может оказаться иллюзорным, если по жалобам, поданным по этим Статьям, от заявителя требовалось бы исчерпание внутренних средств правовой защиты, ведущих только к получению компенсации за понесенный ущерб (см. *Yaşa v. Turkey*, judgment of 2 September 1998, *Reports* 1998-VI, p. 2431, § 74).

78. В свете изложенного, Суд считает, что для исчерпания внутренних средств правовой защиты заявители не были обязаны обращаться к гражданско-правовым средствам правовой защиты, на которые ссылается Правительство. Таким образом, предварительные возражения Правительства в данном отношении необоснованны.

79. Что касается средств гражданско-правовой защиты, Суд отмечает, что 22 февраля 2000 года четвертая заявительница обратилась с заявлением в Генеральную Прокуратуру. Она просила возбудить уголовное дело об убийстве пятерых членов своей семьи. Расследование смертей было начато в апреле 2000 года. Данное расследование длилось более шести лет, и не привело к каким-либо результатам. Обвинение предъявлено не было. Заявители утверждают, что расследование доказало свою неэффективность, а также то, что их надлежащим образом не информировали о процедуре следствия, во избежание того, чтобы они могли принимать в нем участие или обжаловать его результаты. Правительство утверждает, что соответствующие органы власти проводили и проводят уголовное расследование в соответствии с национальным законодательством.

80. Суд считает, что данная часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью уголовного расследования, что тесно связано с существом жалобы заявителей. Поэтому Суд считает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже, при рассмотрении материальных (основных) положений Конвенции, на которые ссылаются заявители.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

81. Заявители утверждают, что их родственники были незаконно убиты агентами государства, и что власти не провели эффективного и адекватного расследования обстоятельства их смерти. Они ссылаются на Статью 2 Конвенции, предусматривающую:

- «1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.
2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:
 - a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
 - b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
 - c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

82. Вначале Суд рассмотрит жалобу заявителей относительно эффективности расследования.

А. Неадекватность расследования

1. Доводы сторон

83. Заявители утверждают, что Правительство не провело эффективного и тщательного расследования смерти их родственников. Расследование было медленным, в ходе него не были предприняты необходимые меры по закреплению соответствующих доказательств и установлению виновных в совершении преступления. Заявители не были признаны потерпевшими по уголовному делу, и не информировались надлежащим образом о его прогрессе.

84. Государство оспаривает, что в расследовании имеются недостатки. Оно указывает на трудности следственной работы в Чечне, в том числе на тот факт, что практически все жители района были в отъезде в рассматриваемый период времени. Правительство подчеркивает то, что заявители и их родственник М., признанный потерпевшим по уголовному делу, неоднократно возражали против эксгумации тел и проведения судебно-медицинской экспертизы, что затрудняло прогресс расследования.

2. Оценка Суда

(а) Соображения общего характера

85. Обязательство по защите жизни, предусмотренное Статьей 2 Конвенции, читаемое в сочетании с общей обязанностью государства по Статье 1 «обеспечить каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в настоящей Конвенции», также подразумевает то, что должно быть проведено в какой-либо форме, эффективное официальное расследование, если лицо было убито в результате смертельного применения силы (см., *McCann and Others v. the United Kingdom* judgment cited above, p. 49, § 161; и *Kaya v. Turkey* judgment of 19 February 1998, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, p. 329, § 105). Важнейшей целью такого расследования является обеспечение эффективности национального законодательства по защите права на жизнь, и, по делам с участием агентов государства или государственных органов, обеспечение их ответственности за смерть, происшедшую под их ответственностью. Какая форма расследования добьется указанной цели, может варьироваться в зависимости от обстоятельств. Однако, независимо от используемого метода, власти обязаны действовать по собственной инициативе, как только им стало известно о происшедшем. Они не могут оставить инициативу по обращению с формальной жалобой или ответственность за проведение каких-либо следственных действий, на родственников такого лица (см. *İlhan v. Turkey* [GC] no. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII).

86. Расследование должно быть эффективным в том смысле, что оно должно быть способным привести к установлению и наказанию виновных (*Ögur v. Turkey* [GC], no. 21954/93, § 88, ECHR 1999-III). Это обязательство не результатов, а средств. Власти обязаны предпринять все разумные и имеющиеся в наличии меры для обеспечения сохранности доказательств происшедшего, в том числе, получить показания свидетелей, вещественные доказательства, и, где необходимо, произвести вскрытие трупа с полным и точным описанием повреждений и объективным анализом обнаруженного, в том числе, с указанием причины смерти (в отношении судебно-медицинской экспертизы трупа, см., например, *Salman v. Turkey*, указанное выше § 106; в отношении свидетелей, например, *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, ECHR 1999-IV, § 109; в отношении вещественных доказательств, например, *Gül v. Turkey*, no. 22676/93, § 89, judgment of 14 December 2000). Любое отклонение расследования,

подрывающее способность установления причины смерти или ответственных лиц, несет в себе риск не соответствия данному стандарту.

87. В этом контексте необходимо отметить обязательное наличие четкого требования о своевременности и разумных сроках проведения расследования (см. *Yaşa v. Turkey*, указанное выше, § 102-104 и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-107). Необходимо смириться с тем, что могут иметься препятствия или трудности, которые мешают прогрессу расследования в определенной ситуации. Тем не менее, своевременный ответ властей по расследованию применения смертельной силы может в целом считаться важнейшим элементом в поддержании уверенности общественности в приверженности властей правопорядку и пресечения ими любой поддержки или терпимого отношения к незаконным действиям.

(b) Применение к данному делу

88. По настоящему делу властями государства-ответчика было проведено расследование убийств. Суд должен рассмотреть, соответствовало ли оно требованиям Статьи 2 Конвенции.

89. Суд отмечает, что заявители уведомили власти о преступлении в конце февраля 2000 года. Сотрудники местного ВОВД прибыли на место происшествия в начале апреля 2000 года, и расследование было начато неделей позднее. Такая продолжительная задержка в возбуждении уголовного дела по очень серьезному преступлению оказала влияние на будущую эффективность расследования. С самого начала расследование было подвержено необъяснимым задержкам. Суд отмечает то, что большинство документов, содержащихся в материалах уголовного дела, были получены в июле 2003 года, после того как жалоба была коммуницирована Правительству, и через три года после рассматриваемых событий и возбуждения уголовного дела. Меры, предпринятые в июле 2003 года, включали такие важнейшие мероприятия, как установление и допрос свидетелей, дополнительный осмотр места происшествия и попытки установления военных подразделений, которые могли участвовать в убийстве. Результаты баллистической экспертизы, несмотря на то, что они были готовы уже в июне 2000 года, были направлены соответствующим властям только в июле 2003 года. Очевидно, что для того, чтобы данные меры могли привести к каким-либо имеющим значение результатам, они должны были быть предприняты незамедлительно после того, как о преступлении было доложено властям и, определенно, сразу же после начала расследования. Суд повторяет, что для дел, связанных со смертью при подозрительных обстоятельствах, важнейшим фактором является быстрое начало расследования. Начало расследования по прошествии некоторого времени неизбежно окажет отрицательное влияние на количество и качество имеющихся доказательств, а очевидное отсутствие старательности бросит тень сомнения на добросовестность усилий следствия, и продлит страдания для членов семьи (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 86, ECHR 2002-II). Эти необъяснимые по данному делу отсрочки не только демонстрируют то, что власти не действовали по собственной инициативе, но и то, что отсрочки представляют собой нарушение обязательства по приложению показательной старательности и своевременности принятия мер.

90. Более того, запросы о предоставлении информации, связанные с установлением военных подразделений, направленные следствием в июле 2003 года, содержали ссылки на неверные даты убийства, т.е. на конец февраля 2000 года (см. 60 выше), и поэтому не могли привести к получению реального результата.

91. Следствием не был предпринят ряд важнейших шагов. В ходе расследования не было проведено вскрытия трупов или судебно-медицинской экспертизы, несмотря на то, из материалов следует, что в июле 2003 года предпринимались определенные попытки получения разрешения от родственников убитых. Два заключения, подготовленные во время перезахоронения тел в апреле 2000 года, были подготовлены без снятия с тел одежды или ткани, в которую они были завернуты. Данные документы практически не содержат какой-либо важной информации о состоянии тел или о полученных ими повреждениях и, со всей очевидностью, не могут считаться соответствующими требованию о тщательности, ожидаемой со стороны властей, уполномоченных на правоприменительную деятельность. Полное судебно-медицинское заключение, включая проведение полной аутопсии тел, несомненно, мог бы предоставить гораздо больше деталей о том, каким образом наступила смерть убитых.

92. Кроме четвертой заявительницы, никто из других заявителей не был допрошен об обстоятельствах дела, и никто из них не был признан потерпевшим по уголовному делу. Правительство не предоставило в данном отношении никаких объяснений. Нет доказательств тому, что участие заявителей в расследовании было обеспечено каким-либо другим образом. Они не получали никакой информации о ходе расследования. Соответственно, органы следствия не только не обеспечили достаточной ответственности перед общественностью для того, чтобы расследование и его результаты подвергались адекватному общественному контролю, но и не предоставили гарантий соблюдения интересов ближайших родственников убитых.

93. И, наконец, Суд отмечает, что предварительное следствие по уголовному делу приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, и что надзирающие прокуроры неоднократно указывали на недостатки следствия и выносили указания об их исправлении, которые, однако, следствием выполнены не были.

94. Правительство указало в своих комментариях, что на момент подготовки ответов в Суд, расследование все еще продолжалось, и поэтому оно просило Суд объявить жалобу неприемлемой в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты. Суд отмечает то, что российское законодательство предусматривает возможность для участников уголовного процесса обжаловать решение о приостановлении расследования или вышестоящему прокурору или в суд. Однако, как отмечалось выше, Заявители были полностью исключены из процедуры следствия. В отличие от обычной практики, предусмотренной национальным законодательством, в ходе следствия они не были официально признаны потерпевшими по уголовному делу, что дало бы им право на вмешательство в процедуру расследования. Таким образом, неясно, каким образом они могли воспользоваться данным положением закона. Даже предполагая, что они смогли бы, в любом случае постановления о приостановлении расследования регулярно отменялись вышестоящими прокурорами, дававшими указания следствию о принятии определенных мер. Однако данные указания органами следствия выполнены не были. Таким образом, Суд не убежден в том, что обжалование заявителями решений органов следствия смогло бы исправить дефекты расследования. Поэтому Заявители должны считаться выполнившими требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты в отношении соответствующих уголовно-правовых средств.

95. В свете изложенного Суд находит, что власти не провели эффективного уголовного расследования обстоятельства смерти Хасмагомеда Эстамирова, Хожахмада Эстамирова, Тоиты Эстамировой, Хасана Эстамирова и Саид-Ахмеда Масарова. Это привело к тому, что обращение к внутренним средствам правовой

защиты, как гражданско-правовым, так и уголовно-правовым, является при сложившихся обстоятельствах в равной степени неэффективным. Следовательно, Суд отклоняет предварительные возражения Правительства и выносит решение о том, что в данном отношении имело место нарушение Статьи 2 Конвенции.

В. Отсутствие защиты права на жизнь

1. Доводы сторон

96. Заявители утверждают, что имеется подавляющее количество доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что их родственники были лишены жизни агентами государства при обстоятельствах, нарушавших Статью 2 Конвенции. Они говорят о том, что их родственники были убиты 5 февраля 2000 года в ходе операции «по зачистке» в южном районе Грозного, в частности, поблизости от селения Новые Алды.

97. Правительство не оспаривает факта смерти родственников заявителей. Однако, из-за продолжающегося расследования, оно не считает возможным ответить на вопрос о том, имело ли место нарушение Статьи 2 в отношении родственников заявителей. Оно отмечает то, что не были установлены свидетели преступления, и что заявители основывают свои утверждения об участии военнослужащих в данном убийстве на голословных утверждениях неназванных лиц. Оно также указало на то, что проведенное по данному делу расследование не установило связи между убийством родственников заявителей и убийствами в селении Новые Алды.

2. Оценка Суда

(а) Соображения общего характера

98. Статья 2, которая охраняет право на жизнь и устанавливает обстоятельства того, когда лишение жизни может быть оправдано, считается одной из наиболее основополагающих норм Конвенции, в отношении которой не разрешены никакие оговорки. Наряду со Статьей 3, она также оберегает основные ценности демократических сообществ, составляющих собой Совет Европы. Таким образом, обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны толковаться строго ограниченно. Объект и цель Конвенции как инструмента защиты прав человека также требуют того, чтобы Статья 2 толковалась и применялась только таким образом, который делает предусмотренные ею гарантии практическими и эффективными (*McCann and Others v. the United Kingdom cited above*, §§ 146-147).

99. В свете важности защиты, предоставляемой Статьей 2, Суд обязан подвергнуть лишение жизни самой тщательной проверке, принимая во внимание не только действия агентов государства, но и все обстоятельства дела (см., *среди прочего, Avsar v. Turkey*, no. 25657/94, § 391, ECHR 2001).

100. Что касается оспариваемых фактов, то Суд напоминает о том, что его практика придерживается при оценке доказательств стандарта доказывания «вне разумного сомнения» (см. *Avsar v. Turkey*, упомянутое выше, § 282). Такое доказательство может вытекать из сосуществования достаточно обоснованных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта. В данном контексте, поведение сторон при получении доказательств должно приниматься во внимание (см. *Ireland v. the United Kingdom judgment of 18 January 1978, Series A no. 25, p. 65, § 161*).

101. Суд внимательно относится к вспомогательной сущности своей роли и признает, что должен проявлять осторожность, принимая на себя роль суда

первой инстанции по установлению фактов, когда это является неизбежным при обстоятельствах конкретного дела (см., например, *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, 4 April 2000). Тем не менее, когда поданы жалобы о нарушении Статей 2 и 3 Конвенции, Суд обязан провести особо тщательную проверку (см. *mutatis mutandis the Ribitsch v. Austria* judgment of 4 December 1995, Series A no. 336, § 32; и *Avşar v. Turkey*, указанное выше, § 283) даже если определенные процедуры и расследование уже были проведены на местном уровне.

(b) Применение к данному делу

102. Для того, чтобы рассмотреть жалобы заявителей по существу, а также учитывая сущность выдвинутых обвинений, Суд запросил у Правительства копию материалов уголовного дела в полном объеме, которая была предоставлена в июле 2003 года. Суд также направил запрос о предоставлении последних материалов, полученных в рамках расследования в 2005 году. Правительство ответило на данный запрос указанием на то, что предоставление дальнейших документов нарушит национальное законодательство, а именно ст. 161 УПК. Оно не предоставило какой-либо информации о ходе расследования, просто указав, что оно все еще продолжается.

103. Суд повторяет, что чрезвычайно важным для эффективной работы системы индивидуальных жалоб, предусмотренной Статьей 34 Конвенции, является то, что государства должны создать все необходимые условия для надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб (см. среди прочего, недавнее постановление по делу *Trubnikov v. Russia*, no. 49790/99, §§ 55-57, 5 July 2005). Особенностью процедуры, связанной с делами, по которым заявители обвиняют агентов государства в нарушении их гарантированных Конвенцией прав, является то, что иногда только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть данные обвинения. Не представление Правительством такой имеющейся у него информации без удовлетворительного объяснения, может не только привести к выводу о том, что обвинения заявителя хорошо обоснованы, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком его обязательств, предусмотренных Статьей 38 § 1 (a) (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, §§ 66 and 70, ECHR 2000-VI).

104. Суд отмечает, что положения ст. 161 УПК, на которую ссылается Правительство, не предотвращают предоставление информации о документах проводящегося расследования, а только устанавливают соответствующую процедуру и ограничивают количество предоставляемой информации (см. аналогичное заключение в постановлении по делу *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 104, 26 January 2006). Правительство не указало сущность документов и основания, по которым они не могут быть предоставлены. Суд также напоминает, что по ряду подобных дел рассмотренных Судом и все еще ожидающих рассмотрения по существу, Правительству России направлялись аналогичные запросы, и документы из материалов уголовных дел предоставлялись им без ссылки на ст. 161 УПК (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia* указанное выше, § 46; *Magomadov and Magomadov v. Russia* (dec.), no. 58752/00, 24 November 2005). По указанным причинам Суд считает, что объяснения Правительства относительно представления материалов уголовного дела недостаточны для обоснования не предоставления запрошенной Судом информации.

105. Суд находит, что он может сделать выводы из поведения Правительства в данном отношении. Однако, в виду того, что большая часть материалов

уголовного дела была предоставлена, Суд не считает необходимым делать отдельные выводы по Статье 38 § 1 (а) Конвенции о том, выполнило ли Правительство свои обязательства.

106. Что касается существа жалобы, неоспоримо то, что родственники заявителей стали жертвами незаконного убийства. Правительство не предложило то, что в данном отношении могли действовать исключения, предусмотренные Статьей 2. Остается нерешенным вопрос о том, несет ли Правительство ответственность за их смерть.

107. Суд отмечает, что расследование смерти родственников заявителей не было завершено и ответственные за нее лица не были установлены или привлечены к уголовной ответственности. Версия событий, которую выдвигают заявители, получила некоторое внимание со стороны органов следствия, которые в 2003 году запросили из нескольких военных и правоохранительных органов информацию об их возможном нахождении в указанной местности. Неясно, были ли получены ответы, особенно, учитывая то, что запросы содержали неверную дату (см. § 60 выше). Из материалов следует, что расследование также рассматривало другие версии убийства родственников заявителей, такие как их возможная связь с незаконной деятельностью или участие в личной войне. Однако, данные предположения не нашли подтверждения в показаниях свидетелей или других предоставленных в Суд материалах. Правительство не предоставило альтернативного объяснения смерти родственников заявителей.

108. Сами Заявители, начиная с 22 февраля 2000 года, наряду с другими допрошенными в ходе расследования свидетелями, постоянно указывали на то, что убийства были совершены представителями армии или правоохранительных органов. Несмотря на то, что непосредственных свидетелей событий установлено не было, расследование могло прибегнуть к другим способам проверки данной версии, единогласно выдвинутой местными жителями. Однако, неизвестно по какой причине, на протяжении более трех лет после начала следствия никаких действий в данном направлении предпринято не было. После того как данные меры были предприняты, Суд не был поставлен в известность об их результатах. Отсутствует информация об идентификации гильз и патронов, собранных с места происшествия или информация о проведении военной операции или операции сил безопасности в указанной местности в рассматриваемые дни. Материалы уголовного дела, рассмотренные Судом, содержат соответствующие запросы о предоставлении информации, однако Правительство отказалось предоставить полученную в последнее время информацию по делу, которая, возможно, содержит ответы на эти важные вопросы.

109. Далее Суд отмечает, что местные власти посчитали дату 5 февраля 2000 года датой смерти, несмотря на то, что родственник заявителей М. указал на две разные даты обнаружения тел, 5 и 9 февраля 2000 года (см. § 14 и 46 выше). Малгобекский городской суд в Ингушетии посчитал установленным то, что родственники заявителей были убиты 5 февраля 2000 года. Свидетели по данному делу прямо ссылаются на участие ОМОНа в данном убийстве (см. § 20 выше). Более того, свидетельства о смерти содержат дату смерти 5 февраля 2000 года, т.е. дату убийств в соседнем селении Алды.

110. Суд далее отмечает утверждения заявителей, неоспариваемые Правительством и не опровергнутые документами уголовного дела о том, что 5 февраля 2000 года данный район находился под контролем федеральных сил.

111. Заявители и другие свидетели постоянно указывали на документы, которые наилучшим образом отражали события в соседнем селении Новые Алды, и утверждали, что убийство семьи Эстамировых было совершено в тот же день теми же сотрудниками «спецслужб». Данная возможность не может исключаться,

учитывая аналогичные обстоятельства смертей в обоих случаях: жители были расстреляны из автоматов в своих домах или подворьях, их дома были подожжены, Кроме того, следует учитывать близость селения Новые Алды к дому заявителей. Правительство оставило данную связь без внимания в своих комментариях, не объяснив причин этому. Из предоставленных в Суд документов нельзя проследить связь с расследованием дела в селении Новые Алды, и поэтому сложно оценить действительность такого вывода. Суд также обратил внимание на полученные им доклады правозащитников и документы международных организаций, поддерживающие версию событий, выдвинутую заявителями, и перечисляющими их родственников в числе убитых 5 февраля 2000 года в ходе проведения операции по «зачистке» в южных частях Грозного.

112. Судом уже отмечались сложности заявителя по получению необходимых доказательств в поддержку его/ее утверждений, в делах когда данные доказательства находятся в руках Правительства, и оно не предоставляет соответствующей документации. Когда заявитель подает «явно обоснованную» жалобу, и Суд не может прийти к выводу о фактических обстоятельствах дела в связи с отсутствием таких документов, обязанностью Правительства является доказывание того, что данные документы не могут подтвердить обвинения заявителя или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение каким образом произошли рассматриваемые события. Бремя доказывания, таким образом, переходит к Правительству, и если оно не представляет таких доводов, то возникает вопрос о нарушении Статьи 2 и/или Статьи 3 Конвенции (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 May 2005; *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-... (выдержки)).

113. Суд считает, что заявители представили «явно обоснованное» дело о том, что их родственники были убиты военнослужащими 5 февраля 2000 года, и что Правительство не представило какого-либо удовлетворительного и убедительного объяснения событиям. Суд также находит, что он может сделать выводы из поведения Правительства в отношении документов расследования.

114. На основании изложенного выше Суд считает установленным, что ответственность за смерть родственников заявителей может быть возложена на государство. При отсутствии какого-либо оправдания применению смертельной силы агентами государства, Суд находит, что в данном отношении имело место нарушение Статьи 2 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

115. Заявители жаловались на то, что у них не было эффективного внутреннего средства правовой защиты против нарушения Статьи 2 Конвенции. Они сослались на Статью 13 Конвенции, предусматривающую:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

116. Правительство с ними не согласилось.

117. Суд повторяет, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения предусмотренных Конвенцией прав и свобод в любой форме, в которой они могут быть закреплены в местном законодательстве. Статья 13, таким образом, требует того, чтобы нормы национального законодательства могли разрешить по существу «обоснованную жалобу» на нарушение Конвенции и предоставить соответствующую компенсацию. При этом Высокие Договаривающиеся Стороны по собственному усмотрению решают, каким именно образом они будут

соблюдать свое предусмотренное Конвенцией обязательство по данной Статье. Объем обязательства по Статье 13 различается в зависимости от сущности жалобы о нарушении Конвенции. Тем не менее, средство правовой защиты, предусмотренное Статьей 13, обязано быть «эффективным» не только в теории, но и на практике, особенно в том плане, что при его применении не должны возникать необоснованные препятствия в виде действий или бездействий властей государства-ответчика (см. *Aksoy v. Turkey*, указанное выше, § 95; и *Aydin v. Turkey* judgment of 25 September 1997, *Reports* 1997-VI, § 103).

118. Принимая во внимание основополагающую важность прав, гарантированных Статьями 2 и 3 Конвенции, Статья 13 требует того, чтобы в дополнение к выплате компенсации, было проведено тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных в лишении жизни, включая эффективный доступ заявителя к процедуре следствия по установлению виновных в совершении преступления (see *Süheyla Aydin v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 May 2005). Суд вновь повторяет то, что требования Статьи 13 шире обязательств Высоких Договаривающихся Сторон по Статье 2 о проведении эффективного расследования (см. *Khashiyev and Akayeva*, указанное выше, § 183).

119. Принимая во внимание выводы Суда в отношении Статьи 2, данная жалоба является «явно обоснованной» в целях Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, judgment of 27 April 1988, Series A no. 131 § 52). Следовательно, у заявителей должна была иметься возможность обращения к эффективным и практическим средствам внутренней правовой защиты, способным привести к установлению и наказанию виновных, а также к присуждению им компенсации, в целях, предусмотренных Статьей 13.

120. Однако, при обстоятельствах, когда уголовное расследование исчезновения и возможной смерти неэффективно (см. выше §§ 89-95), и когда эффективность других возможных средств защиты, включая обращение с гражданским иском, на которое ссылалось Правительство, была подорвана, Суд считает, что государство не выполнило своего обязательства по Статье 13 Конвенции.

121. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в сочетании со Статьей 2 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

122. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Понесенный ущерб

1. Материальный ущерб

123. Заявители потребовали компенсации стоимости уничтоженного двухэтажного дома в Грозном, которая по их оценкам, составляла 60000 евро, стоимость автомобиля в 1500 евро и сожженной стайки с двумя телятами стоимостью в 1500 евро.

124. Правительство отметило, что данные требования не подтверждены никакими документами.

125. Суд напоминает о том, что заявители на более ранних стадиях рассмотрения дела не подавали требований о компенсации за уничтоженное имущество. Кроме того, заявители не предприняли мер, направленных на получение компенсации, для отражения состояния имущества или размера понесенного ущерба в рамках местной правовой системы. При отсутствии каких-либо независимых и окончательных доказательств в отношении выдвинутых заявителями требований о компенсации за утраченное имущество, Суд не может присудить компенсацию по данному заголовку.

126. Далее, заявители требуют компенсации утраченного заработка их родственника Хожахмада Эстамирова. В связи с этим четвертая заявительница требует компенсации 70715.15 российских рублей (2076 евро). Первый заявитель требует компенсации 193294.48 рублей (5675 евро) от имени пятого заявителя, сына его умершего брата Хожахмада Эстамирова. Первый заявитель указал, что после смерти брата, финансовая ответственность за воспитание племянника лежит на нем.

127. Заявители утверждают, что Хожахмад Эстамиров работал автомехаником в Назрани, Ингушетия. Заявителям не была известна точная сумма его заработков, поэтому они основывались в своих расчетах на официальном размере минимальной оплаты труда. В 2002-2006 г.г. минимальный размер оплаты труда ежегодно возрастал в среднем на 25%. Заявители предполагают, что такой же процентный прирост должен применяться к дальнейшим расчетам. Четвертая заявительница предположила, что она могла материально зависеть от сына с февраля 2000 года до 2010 года. Его заработки за данный период составили бы 212145.45 рублей. Четвертая заявительница могла рассчитывать на 30% данной суммы, что составило бы 70715.15 рублей (2076 евро). Первый заявитель подал требование от имени пятого заявителя, на 30% заработков его умершего брата с февраля 2000 года до 2014 года, т.е. до совершеннолетия (18-летия) пятого заявителя. Общая сумма заработков была оценена в 579883.45 рублей, из которых 30% составляло бы 193 294.48 рублей (5 675 евро).

128. Правительство считает данные требования сделаны на предположениях, и поэтому необоснованны.

129. Суд напоминает о том, что должна присутствовать четкая причинно-следственная связь между заявленным требованием со стороны заявителей и нарушением Конвенции, а также то, что это может, в надлежащих случаях, включать компенсацию утраченных заработков (см. среди недавних источников *Isayeva v. Russia*, no. 57950/00, § 236, 24 February 2005). Учитывая данные выводы, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении смерти сына и брата заявителей и утратой заявителями финансовой поддержки, которая могла бы быть им оказана. Принимая во внимание представленные заявителями документы, Суд присуждает 2076 евро четвертой заявительнице 5675 евро, первому заявителю от имени его племянника, пятого заявителя, в качестве компенсации материального ущерба плюс любые подлежащие уплате с данных сумм налоги.

2. Моральный ущерб

130. Заявители требуют в качестве компенсации морального ущерба 295000 евро, за страдания которые им пришлось перенести в связи с утратой пятерых членов семьи, среди которых были годовалый мальчик, беременная женщина и престарелый мужчина около 70 лет. Они ссылаются на безразличие властей, продемонстрированное ими по отношению к заявителям и на непредоставление им информации о ходе расследования смерти их родственников, а также за то, что им пришлось покинуть свою родину.

131. В частности, первый, второй, третий, шестой и седьмой заявители каждый требуют компенсации в размере 35000 евро за страдания, пережитые ими в связи с потерей отца, брата, беременной невестки, племянника и дяди, а также безразличия властей к смерти их родственников, продемонстрированной в ходе неэффективного расследования. Четвертая заявительница требует компенсации 50000 евро за потерю мужа, сына, невестки, внука и двоюродного брата мужа, а также за безразличие властей и за то, что ей пришлось оставить родину. Пятый заявитель требует компенсации 70 000 евро за утрату всей своей семьи в возрасте всего 4-х лет, за непроведение надлежащего расследования их смерти и за то, что ему пришлось оставить родину.

132. Правительство считает указанные требования завышенными.

133. Суд установил нарушения Статьей 2 и 13 Конвенции в связи с убийством пяти родственников заявителей представителями государства, не проведением эффективного расследования и отсутствием эффективных внутренних средств правовой защиты. Суд согласен с тем, что боль и страдания, причиненные заявителям жестоким убийством их родственников, должны быть усилены отсутствием результатов расследования, в ходе которого они даже не были признаны потерпевшими, и поэтому были лишены возможности участвовать в его проведении. Таким образом, Суд признает то, что заявители понесли моральный ущерб, который не может быть компенсирован только установлением факта нарушений.

134. При данных обстоятельствах, принимая решение на основе принципа справедливости, Суд присуждает первому и второму заявителям по 35 000 евро, плюс любые подлежащие уплате с данной суммы налоги. Далее, Суд присуждает третьему, шестому и седьмому заявителям по 10000 евро плюс любые подлежащие уплате с данной суммы налоги. Учитывая особые семейные узы, связывавшие их с умершими, а также воздействие их смерти на четвертого и пятого заявителей, Суд присуждает данным заявителям требуемые ими суммы в 50000 евро и в 70000 евро соответственно плюс любые подлежащие уплате с данных сумм налоги. Суммы, присужденные второму, третьему, шестому и седьмому заявителям подлежат конвертации в российские рубли по курсу на день выплаты.

В. Расходы

135. Интересы заявителей в Суде представляла Гарет Пирс, адвокат из Великобритании. Ей помогали сотрудники «Правовой Инициативы по России», проводившие всю юридическую работу и переписку с Судом после сентября 2001 года. Заявители утверждают, что расходы их представителей при проведении исследований в Ингушетии и Москве составляли 50 евро/час, подготовка юридических документов для представления в Европейский Суд и в местные органы власти составляла 50 евро/час для сотрудников «Правовой Инициативы по России» и 150 евро/час для Гарет Пирс и старших сотрудников «Правовой Инициативы по России».

136. Заявители попросили компенсировать им 12338.17 евро в связи с расходами, понесенными для представления их интересов по жалобе, включая:

- 2000 евро за подготовку первоначальной жалобы в отношении смерти родственников заявителей;
- 3500 евро за подготовку полной жалобы и дополнительные ходатайства/комментарии в ЕСПЧ;
- 3750 евро за подготовку ответа заявителей на меморандум Правительства;

- 425 евро за подготовку дополнительной переписки с ЕСПЧ;
- 1000 евро за подготовку ответа заявителей на решение ЕСПЧ о приемлемости жалобы;
- 750 евро за подготовку юридических документов, поданных в местные правоохранительные органы;
- 799.75 евро за административные расходы (7% юридических расходов);
- 113.42 евро за оплату услуг международной почтовой службы доставки корреспонденции в ЕСПЧ.

137. Правительство не оспаривало деталей представленных заявителями расчетов, однако утверждало, что заявленные суммы являются чрезмерными для неправительственной организации, такой как «Правовая Инициатива по России».

138. Суду следует установить, действительно ли были понесены указанные заявителями расходы, и были ли они необходимыми (см. *McCann and Others* указанное выше, § 220).

139. Суд отмечает, что заявители уполномочили Гарет Пирс представлять их интересы в Суде в мае 2000 года, а также то, что она и «Правовая Инициатива по России» действовали в качестве представителей заявителей на протяжении всей процедуры рассмотрения дела. Суд считает, что указанные выше ставки разумны.

140. Далее, следует установить, были ли расходы, понесенные заявителями в целях представления их законных интересов по жалобе, необходимыми. Суд отмечает, что данное дело является довольно сложным, особенно в виду большого количества заявителей, серьезности заявленных нарушений и количества рассматривавшихся документов.

141. При данных обстоятельствах, принимая во внимание представленные заявителями требования о компенсации, Суд присуждает им компенсацию полной суммы заявленных расходов в евро, за вычетом 701 евро полученных ими в качестве юридической помощи от Совета Европы, вместе с подлежащим уплате с суммы компенсации налогом на добавленную стоимость. Данная сумма подлежит переводу на счет «Правовой Инициативы по России» в Нидерландах.

С. Процентная ставка

142. Суд считает, что процентная ставка дохода с подлежащих оплате сумм должна базироваться на средней кредитной ставке Центрального Банка Европы, к которой должно быть добавлено три процента.

ПО УКАЗАННЫМ ВЫШЕ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительные возражения Правительства;
2. *Устанавливает*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что властями не было проведено эффективного и адекватного расследования обстоятельств смерти родственников заявителей;
3. *Устанавливает*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в связи со смертью родственников заявителей;
4. *Устанавливает*, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции;
5. *Устанавливает, что*
 - (а) Государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев с даты вступления постановления Суда в силу, в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:

(i) 2076 евро (две тысячи семьдесят шесть евро) Заявителю №4 и 5675 евро (пять тысяч шестьсот семьдесят пять евро) Заявителю №1, от имени его племянника, заявителя №5 в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 35000 евро (тридцать пять тысяч евро) заявителям №1 и №2 каждому, 10 000 евро (десять тысяч евро) заявителям №3, №6 и №7 каждому, 50 000 евро (пятьдесят тысяч евро) Заявителю №4 и 70 000 евро (семьдесят тысяч евро) Заявителю №5 в отношении морального ущерба. Суммы, присужденные заявителям №2, №3, №6 и №7 подлежат конвертации в российские рубли по курсу на день выплаты;

(iii) 11637.17 евро (одиннадцать тысяч шестьсот тридцать семь евро и семнадцать центов) в счет компенсации понесенных расходов. Данная сумма подлежит перечислению на счет «Правовой Инициативы по России» в Нидерландах;

(iv) Любой налог, подлежащий уплате с указанных выше сумм;

(b) по истечении указанных выше трех месяцев на весь период до выплаты назначенных сумм, на них подлежит начислению простая процентная ставка дохода, в размере, равном средней кредитной ставке Центрального Банка Европы плюс три процента.

6. *Отклоняет* оставшуюся часть требования заявителей о присуждении справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, сообщено в письменном виде 12 октября 2006 года, в соответствии с Правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Ссорен НИЕЛЬСЕН
Секретарь

Христос РОЗАКИС
Президент